“ЯПОНСКАЯ КАРТА” В “РУССКОЙ ИГРЕ” ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В августе 1914 г. германский кайзер Вильгельм II, объявляя о начале военных действий против Антанты, обещал нации еще до осеннего листопада вернуть домой ее отцов и сыновей. Он искренне верил в свое обещание, ведь Большой кайзеровский генеральный штаб подготовил прекрасный, на его взгляд, план грядущей европейской кампании. В основе плана, названного в честь его разработчика, генерал-фельдмаршала А. фон Шлиффена, лежала идея “блицкрига” – “молниеносной войны”. Подготавливая блицкриг, кайзеровский генштаб исходил из того, что для войны на истощение Германия не имеет достаточных материальных ресурсов и людских резервов.

События на фронтах Первой мировой войны стали развиваться по совершенно иному сценарию. Случилось то, чего более всего опасалось германское командование, – Второй рейх был вынужден вести в Европе на два фронта затяжную войну на истощение, выиграть которую было невозможно.

Сложнейшее стратегическое положение, в котором оказалась Германия, вскоре было осознано не только немецкими военными, но и политиками. Подрыв рядов Антанты, внесение раскола в стан противника стало одной из главных задач германских военных и дипломатов.

Одним из первых свидетельств этого курса стало письмо руководителя внешнеполитического ведомства Германии Г. фон Ягова недавнему послу Берлина в Санкт-Петербурге Ф. Пурталесу от 11 ноября 1914 г. “Мы должны добиться напряжения между нашими врагами, чтобы разорвать тройственную коалицию”, – писал Ягов¹. В качестве главной цели германской дипломатии многие представители германской военной и политической элиты видели вывод из войны России путем достижения с ней сепаратного соглашения.

Тема сепаратных переговоров России с Германией хорошо изучена в отечественной историографии². Еще в 1920-е годы историки начали спор, вело ли царское правитель-

Шаццлло Вячеслав Корнельевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Ягов – Пурталесу, 11.11.1914. – L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des affaires etrangeres (далее – АРРР), t. 1. Paris, 1962, p. 10–11.

² *Семенов В.П.* Романовы и германское влияние во время мировой войны. Л., 1929; *Манусевич А.* Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны. – Исторический журнал, 1944, № 7–8; *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957; *Шаццлло К.Ф.* К попыткам сепаратных переговоров во время первой мировой войны (март – май 1915 г.). – Вопросы истории, 1970, № 9; *Ганелин Р.Ш.* Странники сепаратного мира с Германией в царской России. – Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; *Васюков В.С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции. – Исторические записки, 1982, № 107; *Дьяконова И.А.* Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в первую мировую войну. – Вопросы истории, 1984, № 8; *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985; *Писарев Ю.А.* Первая мировая война и проблема сепаратного мира. – Новая и новейшая история, 1985, № 6; *Соколов Б.В.* К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (1914–1917 гг.). – История СССР, № 5, 1985; *Новикова И.Н.* “Между молотом и наковальней”. Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы первой мировой войны. СПб., 2006.

тво втайне от своих союзников по Антанте сепаратные переговоры с Берлином. Но при этом отечественные историки почти не рассматривали немецкую политику в отношении России в годы Первой мировой войны; не исследовались объективно такие вопросы, как суть и смысл германских предложений о мире с Россией, не изучалась борьба в германской военно-политической верхушке по вопросу поиска путей к сепаратному миру с Петроградом. Это было связано не только с недоступностью для советских историков оригинальных архивных немецких источников, но и с некоторой их предвзятостью: вынужденно или нет, советские историки отождествляли государственную политику Германии с позицией крайне националистически настроенных представителей немецкой общечественности³.

Что касается рассматриваемой темы, то она лишь бегло упоминается в монографиях И.Н. Новиковой и Н.П. Евдокимовой, причем последняя использовала только хорошо известные и давно опубликованные источники. Вместе с тем, документальные материалы, хранящиеся в немецких архивах, прежде всего архиве германского внешнеполитического ведомства, позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты этой интересной проблемы.

Прошедшие к началу 1916 г. 17 месяцев европейской бойни не дали сколько-нибудь существенного стратегического преимущества ни одной из сражавшихся коалиций, хотя положение стран Центрального блока после завоевания Польши, возвращения Галиции и разгрома Сербии несколько улучшилось. Самый опасный для Центральных держав Восточный фронт теперь был отодвинут от границ Германской империи на 200–300 км. Основная борьба, однако, была еще впереди и противники, собрав силы, стали готовиться к новой военной кампании. При этом неиспользованных людских, финансовых и материальных ресурсов у Антанты было существенно больше.

К началу 1916 г. Франции, также как и Англии, удалось заметно увеличить собственное военное производство, чему во многом способствовала передышка, которую Лондон и Париж неожиданно получили в ходе кампании 1915 г. благодаря самоотверженным действиям солдат и офицеров русской армии, которая в тот год приняла на себя основной удар противника. Проведя эффективные и разносторонние меры, союзники по Антанте сумели ликвидировать отставание в производстве тяжелого вооружения и боеприпасов, в особенности орудий крупных калибров и пулеметов⁴. Увеличила военное производство и Российская империя, начались поставки вооружения в Россию из стран-союзниц и США. К концу 1915 г. России удалось в некоторой степени ослабить кризис в деле снабжения фронта винтовками, пулеметами, легкими орудиями и боеприпасами. К январю 1916 г. производство винтовок в стране выросло в 3 раза, различных типов орудий – в 4–8, а боеприпасов различных видов – от 2,5 до 5 раз⁵. Преимущество военной промышленности и наличие стратегических ресурсов стран Антанты по сравнению с их противниками становилось все более очевидным.

Те же тенденции прослеживаются и в отношении мобилизационных возможностей противоборствующих сторон. К началу 1916 г. общая численность армий стран Антанты достигла 18 млн. человек; численность армий стран Четверного союза была почти в два раза меньше – 9 млн. штыков и сабель. Количество дивизий у Антанты было 365, из которых 136 дала Россия, 99 – Франция, 80 – Великобритания. Центральные державы располагали 286 дивизиями – из них немецких было 159, австро-венгерских – 63; остальные 64 дивизии выставили Турция и Болгария⁶.

Значительное усиление военной мощи Антанты непосредственным образом сказалось на стратегических планах союзников. Военно-политическое руководство Велико-

³ Теодорович И.М. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. – Первая мировая война 1914–1918. М., 1968, с. 108–121.

⁴ Мировая война в цифрах. М. – Л., 1934, с. 40–41.

⁵ Мировые войны XX века. Кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002, с. 175.

⁶ Мировая война в цифрах, с. 13–14.

британии и Франции решило в 1916 г. перейти к активным боевым действиям на Западном фронте. На межсоюзнической конференции во французском Шантийи в декабре 1915 г. общее наступление стран Антанты намечалось на лето 1916 г. На второй конференции в Шантийи, проходившей в марте 1916 г., были определены окончательные сроки общего наступления союзников на Западном фронте – июль 1916 г.

Что касается Германии и ее союзниц, то они теперь готовили главный удар не на Восточном, а на Западном фронте. Начальник кайзеровского полевого генерального штаба (с 23 января 1915 г.) генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн полагал, что ход военных действий в 1915 г. показал, что у России еще достаточно материальных резервов, ее армия оставалась вполне боеспособной. Исходя из этого, он считал, что дальнейшее наступление на Украине или в направлении на Петроград не принесло бы Германии весомых результатов. Серьезное увеличение вооруженных сил Франции и Великобритании, которую Фалькенгайн по-прежнему считал главным противником Второго рейха, заставило немецких генштабистов планировать генеральное сражение на Западном фронте. По их мнению, достаточно было нанести Франции массированный удар в одном месте, чтобы вывести ее из войны. Этим пунктом в феврале 1916 г. стала французская крепость Верден.

Германия могла успешно наступать на Западном фронте лишь в том случае, если ей не грозил ответный удар с Востока. Это создавало предпосылки для очередной активизации попыток германских политиков и военных вывести из войны Россию, заключив с ней двусторонний сепаратный мирный договор. В начале 1916 г. начался очередной раунд “мирной атаки” германской дипломатии на Россию, который был вызван новыми задачами, вставшими перед Центральными державами на Западном фронте.

Идея, с которой на сей раз выступили сторонники замирения с Россией, была, на первый взгляд, неожиданной. Для оказания финансового, экономического и политического давления на Петроград немцы решили использовать недавнего противника, а в Первую мировую войну союзника России – Японскую империю. С этой целью в начале 1916 г. в Стокгольме начались секретные переговоры между представителями Берлина и Токио.

Впрочем, идею разыграть “японскую карту” в русско-германских отношениях можно назвать неожиданной и парадоксальной только на первый взгляд. Еще 12 июня 1915 г. Фалькенгайн передал рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу информацию, полученную им от военного атташе Германии в США Ф. фон Паппена (в 1932 г. он стал последним канцлером Веймарской республики. – *В.Ш.*). Немецкий дипломат в своем сообщении из Вашингтона “очень верно указывал на значение, которое Япония имеет для России как поставщик вооружения и военного снаряжения”. Фалькенгайн даже выразил мнение, что именно японское вооружение и помогло России оказать достойное сопротивление кайзеровским войскам в ходе их наступления на Восточном фронте. Более того, по сообщениям из американской столицы, союзники принимали все более активные попытки привлечь японские войска к участию в военных действиях на европейском континенте. По этим причинам Фалькенгайн задался перед главой правительства вопросом: “А нельзя ли придти к соглашению с Японией?”⁷

Важная деталь: на телеграмме Фалькенгайна представитель кайзеровского министерства иностранных дел (МИД) при ставке верховного германского главнокомандования Тройтлер сделал приписку, что такие переговоры с ведомо кайзера Вильгельма II ведутся уже несколько месяцев⁸. Еще в начале 1915 г. германский посол в Пекине Хинтце признал, что главной целью его миссии в китайской столице теперь будет не только усиление связей с нейтральным Китаем, но и использование статуса Поднебесной империи как нейтральной страны для сближения с Японией. Более того, в январе 1915 г. в интервью корреспонденту влиятельной японской газеты “Асахи симбун” он

⁷ Фалькенгайн – Бетман-Гольвегу, 12.6.1915. – АРРР, р. 123.

⁸ Тройтлер – Бетман-Гольвегу, 12.6.1915. – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее – РААА), R20454. Der Weltkrieg. № 2 secr. Vermittlungsaktionen.

откровенно заявил, что Берлин готов заключить с Токио союз. При этом Хинтце дал понять, что и германский кайзер полностью разделяет эту точку зрения⁹.

Новую политическую линию в отношении Японии поддержали военные, особенно представители военно-морского командования, которые рассчитывали при помощи сближения с Токио облегчить свое положение в Восточной Азии и тихоокеанском регионе в целом.

Заявления германского посла в Пекине о возможном сближении Второго рейха с Японией не остались незамеченными на берегах Невы¹⁰. Об активности немцев в Пекине сообщал российский посол в Китае Крупенский, по мнению которого Германия “любой ценой” готова купить дружбу с Японией¹¹.

Интерес России к дальневосточным делам был вполне объясним: в Петроград шла информация о том, что германский консул в Мукдене сразу же после начала войны стал активно склонять китайцев к провокациям на российских железных дорогах, дабы помешать переброске русских войск из Сибири и Дальнего Востока на поля сражений в Европе. Еще в декабре 1914 г. японский посланник в Пекине поделился со своим российским коллегой информацией о том, что “Германия в Маньчжурии и Монголии подстрекает китайских бандитов, имеющих лошадей, спровоцировать восстание в сибирских пограничных районах. Целью является освобождение немецких военнопленных и разрушение железных дорог”¹².

Германская дипломатия не случайно решила наладить контакты с японцами в Стокгольме: посол Страны восходящего солнца в Швеции г-н Усида в беседах с дипломатическими представителями Австро-Венгрии и Турции в Швеции неоднократно заявлял о своих искренних симпатиях к Центральным державам и их политике, а о союзниках по Антанте публично высказывался весьма пренебрежительно и в неуважительном тоне. Усида высказывал германским представителям свое искреннее сожаление в том, что Япония и Германия находятся в состоянии войны¹³. Через директора шведского телеграфного бюро Г. Эклунда немцы получили информацию, что Усида дал знак, что Япония в скором времени вполне может прийти к взаимопониманию с Германией. По мнению шведа, Усида считал войну уже завершённой и “полностью стоит на нашей (т.е. германской. – *В.Ш.*) стороне”¹⁴.

21 января 1915 г. глава германского внешнеполитического ведомства Ягов дал от имени правительства указание новому имперскому послу в Стокгольме Г. Люциусу “наладить отношения” с Усидой¹⁵. Люциус решил действовать через своих коллег – посла Австро-Венгрии в Стокгольме графа Хадика и представителя Турции Шекиба¹⁶. Хадик и Шекиб принялись активно выполнять порученное им немцами задание, причем дипломатические тонкости не принимались ими во внимание. На третьей встрече с Усидой, которая происходила в турецком посольстве 5 апреля 1915 г., Хадик напрямую спросил японца, намерена ли его страна заключить мир с Германией. На что, как следует из дневника, который вел Усида, тот ответил отрицательно, сославшись на условия англо-японского договора¹⁷.

⁹ Hayashima A. Die Illusion des Sonderfriedens. Deutsche Verständigungspolitik mit Japan im Ersten Weltkrieg. München – Wien, 1982, S. 54.

¹⁰ Речь, № 14, 28.I.1915.

¹¹ Крупенский – Сазонову, 24.I.1915. – Международные отношения в эпоху империализма (далее – МОЭИ), серия III, т. X. М.–Л., 1938, с. 533.

¹² Hayashima A. Op. cit., S. 56.

¹³ Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985, с. 66.

¹⁴ Райхенау – Бетман-Гольвегу, 5.I.1915. – PAAA, R2109, Deutschland 132, Die Beziehungen zu Japan, Bd. 10 geh.

¹⁵ Ягов – Люциусу, 21.I.1915. – Ibidem.

¹⁶ Люциус – Бетман-Гольвегу, 26.I.1915. – Ibidem.

¹⁷ Hayashima A. Op. cit., S. 65.

Начало зондирования возможности сближения с Японией, начатое по инициативе дипломатов кайзера Вильгельма II, было поддержано и немецкими военными, особенно моряками. По их мнению, заключение союза с Японией давало Германии ряд ощутимых геополитических преимуществ. Например, как полагал начальник кайзеровского Главного военно-морского штаба (Адмиралтейства) гросс-адмирал Г. фон Гольцендорф, во-первых, самое главное, этот союз не только вносил бы раскол в ряды союзников по Антанте, но и прекращал важный источник поступления вооружения и стратегических материалов в Россию. Во-вторых, Германия через Японию получала бы возможность вести более активную политику в Китае. И, наконец, в-третьих, германо-японский союз нанес бы весьма серьезный удар по интересам Британской империи на Тихом и Индийском океанах¹⁸.

Мнение шефа Адмиралтейства о желательности заключения “особого мира” с Японией разделял и морской министр гросс-адмирал А. фон Тирпиц¹⁹. Он полагал, что ради достижения японо-германского согласия Германской империи следует даже отказаться от любых претензий на китайскую территорию. Мысль эту Тирпиц высказал и в беседе с канцлером, которая состоялась в августе 1915 г.²⁰

Мотив “нейтрализации” России при помощи ее недавних врагов-японцев, прекращение поставок японской военной амуниции, которая шла в Россию из Порт Артура, был главным в действиях германской дипломатии в Стокгольме. По крайней мере это следует из позиции кайзера Вильгельма II по этому вопросу²¹.

Однако начав тайные беседы с японским послом в Стокгольме, дипломатические представители Центральных держав явно переоценили симпатии Усиды к Германии. Сразу же после сделанных ему намеков о возможном “взаимопонимании” между Берлином и Токио, Усида подробно проинформировал об этом своего британского коллегу Говарда, который немедленно, “дабы избежать недопонимания в будущем”, послал телеграмму на имя своего шефа – министра иностранных дел Великобритании сэра Э. Грея. Японцы не стали скрывать содержание переговоров в Стокгольме и от русских. 8 апреля 1915 г. в Петрограде была получена информация из Токио о том, что дипломатическая деятельность Усиды полностью одобрена японским правительством и “из этого, может быть, можно будет извлечь какую-нибудь пользу”²².

Следует подчеркнуть, что до лета 1915 г. сближение между Японией и Германией в Берлине рассматривались в основном лишь в рамках двусторонних отношений. Только в июле 1915 г. впервые прозвучала мысль о желательности подключить к тайным переговорам в Стокгольме и российскую сторону. Эту идею в беседе с канцлером Бетманом-Гольвегом высказал А. Баллин – не только крупный коммерсант и глава Гамбургско-американской пароходной кампании, но и активный участник многих закулисных акций германской дипломатии. Баллин был убежденным сторонником заключения сепаратного мира с Россией и имел к тому же значительные финансовые интересы в Восточной Азии. Необходимость подключения представителей России к двусторонним японо-германским неофициальным переговорам Баллин объяснил значительным финансовым и политическим влиянием, которое Япония имела на Россию²³.

16 января 1916 г. за столом закулисных германо-японских переговоров в Стокгольме появился новый игрок – гамбургский банкир Ф. Варбург. Братья Варбург играли роль неформальных посредников в нейтральных странах по налаживанию тайных связей между Берлином и его противниками и выполняли деликатные поручения внеш-

¹⁸ Гольцендорф – Ягову, 11.12.1915. – PAAA, R2109; APPP, p. 237.

¹⁹ Тирпиц – Ягову, 8.12.1915. – PAAA, R2109.

²⁰ Нота Бетман-Гольвега, 9.8.1915. – APPP, p. 154.

²¹ Тройтлер – в МИД, 12.6.1915. – PAAA, R2109.

²² *Hayashima A.* Op. cit., S. 68–69.

²³ *Hötzle E.* Deutschland und die Wegscheide des Erstens Weltkriegs. – *Geschichtliche Kräfte und Entscheidungen.* Wiesbaden, 1954, S. 272; *Hayashima A.* Op. cit., S. 86, 88.

неполитического ведомства рейха в шведской столице²⁴. Варбург на встрече с Усидой говорил о многом: возможности германо-японского сближения, положении в Китае, функционировании железных дорог в Манчжурии, судоходстве на Тихом океане. Лишь о России Варбург не сказал ни слова.

19 февраля 1916 г. японского посланника в Швеции Усиду вновь посетил Эклунд, который высказал японскому дипломату парадоксальную мысль: “если Россия в настоящее время еще не решается заключить сепаратный мир, то исключительно из боязни Японии”. Вот если бы Япония заключила сепаратный мир с Германией, то ее примеру немедленно последовала бы и Россия. Эклунд полагал, что “тогда Япония получила бы возможность разделить Китай совместно с Германией и Россией”²⁵. Сообщение об этом предложении было немедленно передано японским правительством российскому министру иностранных дел С.Д. Сазонову.

Характерно, что вопрос об особенностях отношений между Берлином и Токио к марту 1916 г. в Германии переместился из сферы тайной дипломатии в сферу публичного обсуждения. Так 7 марта была опубликована большая статья в газете “Норддойче альгемайне цайтунг” под названием “Германия и Япония”; в конце марта публикациями на эту тему разразились “Франкфуртер цайтунг” и “Нойе прейсише цайтунг”, которая писала: “Япония как партнер по союзу имела бы для нас наивысшую политическую ценность в качестве противовеса как России, так и США”²⁶.

Апогей германской дипломатической активности в Стокгольме пришелся на конец марта – начало апреля 1916 г. 30 марта 1916 г. германский промышленник Г. Стиннес, также занимавшийся закулисной посреднической деятельностью, сообщил канцлеру Бетман-Гольвегу о том, что между ним и Усидой состоялся доверительный разговор, в котором японец высказал заверения в том, что Япония хотела бы как можно скорее заключить сепаратный мир с Германией. Что же касается России, то, по мнению Усиды, “она имеет слишком много земли” и за заключение подобного мира с Берлином должна “уступить” немцам как минимум Польшу, “хотя о Курляндии он не знает”²⁷.

Японский посол заявил, что достижение взаимопонимания между Россией и Японией, с одной стороны, а Германией, с другой, является предпосылкой для достижения всеобщего мира. При этом Усида подчеркнул, что ни Россия, ни Япония не могут одни заключить окончательный сепаратный мир с Германией²⁸.

1 апреля 1916 г. в стокагольмском Гранд-отеле состоялась первая встреча послов Германии и Японии в Швеции. Принимал в ней участие и Стиннес. Правда, о том, что два часа обсуждали между собой Усида и Люциус, не существует единой версии, да и различные источники противоречат друг другу.

По одной из версий, японской, Люциус заявил, что настало время заключить мир между Германией и Японией. Что касается России, то, по его мнению, царское правительство уже давно хочет окончания войны и от сепаратного соглашения с Германией Петроград воздерживает лишь состояние общественного мнения и опасения перед японцами, которые в отместку за замирение с Берлином могут нанести России удар в спину на Дальнем Востоке. По этой же версии японский посланник вел себя весьма сдержанно и заявил о том, что “у Японии нет надобности ускорять мир”²⁹.

Вторая, немецкая, версия полностью противоречит первой. Так Люциус сообщал в германское внешнеполитическое ведомство, что на встрече Усида заявил об отсутствии каких-либо противоречий между германским и японским правительствами и о своей готовности передать в Токио “возможные пожелания” Германии. Германский же посол,

²⁴ Новикова И.Н. Указ. соч., с. 24.

²⁵ МОЭИ, с. 249–250.

²⁶ Neue Preußische Zeitung, 30.III.1916.

²⁷ Стиннес – Бетман-Гольвегу, 30.3.1916. – РААА, R2110; АРРР, р. 290.

²⁸ Hayashima A. Op. cit., S. 94.

²⁹ МОЭИ, с. 595; Евдокимова Н.П. Указ. соч., с. 67.

напротив, был весьма сдержан, по всем вопросам конкретно говорить отказался, заявив, что находится на встрече лишь как частное лицо³⁰.

Как бы то ни было, но и в первом, и во втором документах содержатся сведения о том, что Люциус и присутствовавший на беседе послов Стиннес выразили своему визави предложение о необходимости соответствующим представителям Германии, Японии и России как можно скорее начать неофициальные секретные переговоры по поводу условий заключения мира между тремя странами. Что же касается позиции японской стороны, то оба документа свидетельствуют, что Усида однозначно заявил о невозможности заключения сепаратного мира для его страны, так как это противоречит англо-японскому союзному договору.

2 и 4 апреля 1916 г. Усида направил телеграммы в Токио министру иностранных дел Японии, в которых недвусмысленно писал, что Германия “в этот раз хочет начать переговоры с Россией через Японию”, и что немцам никак не удавалось раньше через русского посланника в Швеции А.В. Неклюдова заключить особый мир. Характерно, что, получив это сообщение, японский министр виконт К. Исия 5 апреля 1916 г. вызвал к себе британского посла в Токио Грина и подробно проинформировал его о содержании тайных переговоров в Стокгольме³¹.

Можно предположить, что, вступая в тайные переговоры с немцами, японцы, скорее всего, были заинтересованы в сделке с Берлином по поводу контроля над некоторыми провинциями Китая и тихоокеанскими островами, до начала войны принадлежавшими Германской империи. Кроме того, Страна восходящего солнца была заинтересована в обеспечении себе свободы действий в Китае и усилении там своего военного и политического влияния. Возможно, японцы хотели лишь получить предложения, с которыми к ним решили обратиться немцы, с тем чтобы потом сообщить о намерениях немцев своим союзникам, прежде всего британцам, тем самым значительно повысив роль японской дипломатии в решении вопросов, связанных с окончанием войны и послевоенным переустройством мира.

Намного сложнее определить цели, которые в данном случае преследовал Берлин. Впрочем, ответ на этот вопрос можно найти в сообщении германского посланника в Швеции Люциуса, который полагал, что главной задачей немцев на этих переговорах было добиться того, чтобы “благодаря влиянию токийского правительства в Санкт-Петербурге Россия была бы побуждена послать (в Стокгольм. – *В.Ш.*) компетентную персону”³².

Таким образом, можно прийти к выводу, что, начиная закулисные переговоры с японцами в Стокгольме, немцы в качестве главной цели преследовали налаживание контактов с русской стороной. Проблема взаимоотношений с Японией интересовала германские правительственные круги значительно меньше.

После первой встречи 1 апреля 1916 г. контакты между немецкими и японскими дипломатами в Стокгольме продолжились, хотя и были прерваны на две недели в связи с двухнедельной служебной поездкой Усиды в норвежскую столицу. Переговоры в Стокгольме возобновились 24 апреля 1916 г. после возвращения японского дипломата из Норвегии. Посредником между Усидой и Люциусом на этот раз вместо Стиннеса выступил почетный консул Японии в Швеции Линдберг, в доме которого и происходили эти неофициальные встречи.

Беседа с Усидой, по словам германского посла, была “абсолютно доверительной”. Сначала разговор пошел о передаче особых прав Германии в Китае Японии, но важнейшей темой была, конечно, русская. Усида вновь заявил, что заключение особого сепаратного мира с Германией для своей страны он считает невозможным, но, по его мнению, было бы неплохо “повлиять на Россию, и тем самым на других, чтобы заклю-

³⁰ Люциус – в МИД, 1.3.1916. – РААА, R2110; АРРР, р. 293.

³¹ *Hayashima A.* Op. cit., S. 96.

³² Люциус – в МИД, 1.3.1916. – АРРР, р. 293–294.

чить мир”³³. Вопрос о том, как конкретно Япония может повлиять на Россию, Усида оставил без ответа, сославшись на отсутствие соответствующих инструкций из Токио.

В конце апреля 1916 г. японский почетный консул в Швеции Линдберг передал своему немецкому партнеру по переговорам Стиннесу-младшему конфиденциальную информацию. По сведениям, полученным от Усида, японское правительство попросило своего посла в России оказать содействие русским в направлении их представителя для ведения тайных переговоров с немцами в Стокгольме. Что касается японской стороны, то ее главной задачей в ходе трехсторонних переговоров в шведской столице, скорее всего, было добиться от Германии предоставления гарантированных привилегий в Китае при полном сохранении там принципа “открытых дверей”.

Информация о второй встрече послов и сообщение Линдберга вызвали оживление в германском внешнеполитическом ведомстве и некоторых берлинских правительственных кабинетах. Глава имперского МИД Ягов 26 апреля 1916 г. послал срочную телеграмму в представительство Германии в Швеции. Он сообщил, что Берлин не готов отказаться от своих прав в Китае в обмен на туманные и неопределенные обещания, но вот “если Японии удастся привести Россию к миру, мы проявим готовность отказаться от наших прав [на тихоокеанские владения. – *В.Ш.*]”³⁴.

Отправляясь на встречу со своим коллегой, германский посол в Стокгольме соблюдал все меры предосторожности: он был уверен, что эти встречи “тайные”. Но тайными они были лишь для Берлина. Вся информация о своих переговорах с Люциусом Усида тотчас же оправлял в Токио министру иностранных дел, а тот немедленно информировал своего британского коллегу Грея. Еще через несколько дней – 6 мая 1916 г. японский посол в Петрограде Мотоно встретился с российским министром иностранных дел Сазоновым и также подробно проинформировал его о переговорах с немцами в шведской столице. Как сообщал Мотоно в Токио, “Сазонов в конце разговора выразил мнение, что Берлин должен предложить переговоры о мире напрямую четырем державам”, и еще раз подтвердил, что Россия не будет вести никаких сепаратных переговоров с противниками за спиной своих союзников³⁵. И в дальнейшем японцы не делали секрета от своих российских союзников: они немедленно, хотя и без особых подробностей, сообщали Сазонову о предложениях немцев, сделанных в Стокгольме³⁶.

6 мая 1916 г. состоялась очередная встреча Стиннеса и Люциуса с Усидой. Японец, казалось, весьма охотно подхватил идею обмена германских дальневосточных владений на обещание содействия им в планах принудить Россию сесть за стол переговоров в Стокгольме. “В ходе сегодняшнего разговора с японским послом тот намекнул, что в силу Японии сделать так, чтобы привести Россию за стол мирных переговоров, если мы Японии уступим находящиеся ныне под ее властью немецкие владения и тихоокеанские острова”, – сообщал Люциус в Берлин³⁷.

Эта информация была с удовлетворением воспринята в германском министерстве иностранных дел. Даже давний и последовательный противник сепаратных переговоров с Россией государственный секретарь МИД А. Циммерман на этот раз согласился с Люциусом. Циммерман наложил резолюцию: “Правильно” и развил мысль о том, что Германии в создавшейся ситуации будет трудно защитить ее тихоокеанские колониальные владения. “Нашей целью должна быть Африка. В Тихом океане в будущем могут остаться только одни японцы и американцы, дни Англии там должны быть сочтены”.

С Циммерманом согласился и канцлер Бетман-Гольвег, который на полях телеграммы Люциуса ясно выразил мысль о допустимости передачи Японии довоенных германских владений на Дальнем Востоке в том случае, если Токио реально поспособствует

³³ Люциус – в МИД, 22.4.1916. – РААА, R2110.

³⁴ Ягов – в представительство в Стокгольме, 26.4.1916. – РААА, R2110; АРРР, р. 313.

³⁵ *Hayashima A.* Op. cit., S. 102, 103.

³⁶ Красный архив, 1929, т. 1(32), с. 35.

³⁷ Люциус – в МИД, 6.5.1916. – РААА, R2110.

выводу из войны России³⁸. Идею о возможности компромисса с Японией по вопросу тихоокеанских островов, в случае если ее посредничество в России приведет к реальному результату, поддержал и Ягов³⁹.

Кажется удивительным, что видные германские государственные и политические деятели всерьез рассматривали вероятность того, что российское руководство “примет во внимание” советы своих японских соседей и кардинальным образом изменит всю внешнюю политику. Непонятно, по каким причинам и во имя чего Петроград должен был разорвать союзнические связи с Лондоном и Парижем. Что русские получили бы взамен за разрыв со своими давними политическими и экономическими партнерами, кроме потери Польши и большей части Прибалтики? Да и зачем японцам было выпрашивать у немцев право на владение бывшими германскими тихоокеанскими владениями, если у Берлина и так не было возможности их отвоевать?

Фантазия некоторых германских деятелей, в частности Стиннеса, нарисовала грандиозный план кардинальной перестройки всей системы международных отношений и перегруппировки сил на международной арене. План этот выразился в мысли использовать трехсторонние переговоры в Стокгольме для заключения договора о будущем союзе между Германией, Россией и Японией⁴⁰.

Впрочем, эта экстравагантная идея вызвала неподдельный гнев в кулуарах имперского министерства иностранных дел в Берлине. “Молодой Стиннес – это насильник, который хотел бы нашу политику втиснуть в сферу своих собственных интересов. Отсюда и союз с Россией, который поставит нас в принципиальные противоречия с Западом. Что может Россия предложить нам? Прежде всего, надо видеть, что будет после войны. Лично я склоняюсь к мнению, что в этом случае могут не заставить себя ждать очень серьезные внутренние перевороты. В любом случае Россия едва ли долгие годы будет активной. Бессильных союзников у нас уже предостаточно. Союзничество предполагает позитивные результаты. В случае с Россией это мне не видится”, – писал Ягов⁴¹.

Таким образом, даже Ягов, один из самых последовательных сторонников заключения сепаратного мира, полагал лишь возможным заключение договора о нейтралитете с Россией, который “парализовал бы Францию и заставил ее пойти на взаимопонимание” с Германией. Россия же, по мнению германского министра, получила бы от этого договора о нейтралитете “защиту ее западных границ в случае возможного конфликта с Англией из-за Персии”. Впрочем, Ягов не понимал, зачем Японии необходимо заключение военно-политического союза с Германией: то ли она боится заключения союза между Америкой и Англией, который ущемил бы интересы Токио на Дальнем Востоке, то ли здесь играют роль особенности русско-японских отношений в Маньчжурии и Монголии, то ли японцы не заинтересованы в поставках вооружения в Россию? Как бы то ни было, германский глава внешнеполитического ведомства призвал немецкого представителя в Стокгольме умерить необузданный пыл Стиннеса и взять нить переговоров с японским коллегой в свои руки⁴².

Ответ Люциуса был весьма неожиданным для Ягова. По словам посланника, Стиннес, оказываясь “идею альянса между нами, Россией и Японией вероятно уже обсудил в Берлине с канцлером, государственным секретарем Гельферихом и, возможно, с его превосходительством Циммерманом и вероятно нашел у них одобрение”⁴³.

Реакция Ягова на идею заключения тройственного союза между Германией, Японией и Россией свидетельствовала о неосведомленности министра иностранных дел, об острой закулисной борьбе, которая велась в берлинской верхушке по внешнеполитиче-

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ягов – Люциусу, 7.5.1916. – РААА, R20463, Der Weltkrieg № 2 geh. Vermittlungsaktionen.

⁴⁰ Евдокимова Н.П. Указ. соч., с. 69.

⁴¹ Ягов – Люциусу, 8.5.1916. – РААА, R2110; АРРР, р. 325.

⁴² АРРР, р. 325–326.

⁴³ Люциус – Ягову, 9.5.1916. – РААА, R2110.

ским вопросам. В свете этого не кажется неожиданной отставка Ягова с поста министра иностранных дел, которая произошла через полгода после этих событий – в ноябре 1916 г.

На самом деле, в недрах министерства иностранных дел Германии и других имперских ведомств, связанных с решением внешнеполитических проблем Второго рейха, созрел план новой перегруппировки сил на международной арене. Наглядным свидетельством этого стала нота видного германского дипломата, руководителя тихоокеанского департамента германского МИД А. Кемница от 8 мая 1916 г.⁴⁴ Хотя до сих пор историки точно не выяснили, в какой мере к разработке этого документа имели отношение кайзер Вильгельм II, канцлер Бетман-Гольвег, другие авторитетные германские политики, и причастны ли они к этой бумаге вообще, но содержание ноты Кемница и резонанс, который она вызвала на берегах Шпрее, свидетельствуют о многом.

Главной идеей плана было заключение секретного договора о союзе между Германией, Россией и Японией. Договор этот был однозначно направлен против Англии и предусматривал даже оказание союзниками военной помощи друг другу, как на суше, так и на море в том случае, если одно из трех государств будет подвергнуто нападению со стороны британской короны.

При этом немецкий высокопоставленный дипломат предложил заключить и секретный договор между Германией, Японией и Австро-Венгрией, направленный против России и ее стратегических интересов. Проект подобного договора также предполагал оказание военной помощи на суше и на море со стороны Японии, если Россия нападет на Германию и Австро-Венгрию, а две последние державы обещали оказать вооруженное содействие Стране восходящего солнца, если та подвергнется нападению со стороны армии и флота России.

Более того, в ноте содержалось предложение и о заключении третьего секретного договора – между Германией и Россией. Он должен был обеспечить нейтралитет России в случае нападения Франции на Германию и нейтралитет Германии в случае нападения Японии на Российскую империю.

Все три секретных договора предполагалось подписать на основе неких “мирных условий”, которые также подробно были разработаны автором записки.

Каковы были эти условия? Для России, например, предусматривалась передача Австро-Венгрии части Восточной Галиции, уже находящейся на тот момент под контролем русской армии. За это Россия должна была расплатиться Литвой и Курляндией. Польша также передавалась под немецкое владычество. Турция, в свою очередь, вынуждалась передать России часть турецкой Восточной Армении, находившейся на тот момент под контролем русской армии. Кроме того, османские власти обязывались пропускать через подконтрольные ей черноморские проливы военные корабли под Андреевским флагом. Афганистан и Персия, за исключением Западной ее части, которая должна была оставаться под контролем турок, объявлялась сферой интересов Российской империи. Это же касалось значительной части китайской территории, включая Внешнюю Монголию и Северную Маньчжурию. За это русские навсегда должны были отказаться от активной политики на Балканах. Сербия полностью отдавалась на откуп Австро-Венгрии и Болгарии. Судьбы Албании и Греции, согласно планам Кемница, должны были решать Австро-Венгрия и Болгария, а территория Черногории урезалась до границ, в которых она находилась до балканских войн.

Таким образом, в Берлине был разработан план полного вытеснения Российской империи из Европы. Россию пытались заставить ограничить свои геостратегические интересы Ближним и Дальним Востоком. Это кажется не столь удивительным, если принять во внимание, что многие представители германской военно-политической элиты были по-прежнему убеждены, что со времен русско-японской войны и Портсмутского мира главной геополитической угрозой для России является “желтая”. Следовательно

⁴⁴ Нота Кемница. – PAAA, R2110, Deutschland 132. Die Beziehungen zu Japan. Bd. 10 geh.; PAAA, R20463, Der Weltkrieg № 2 geh. Vermittlungsaktionen.

но, за обеспечение своих интересов в Сибири и на Дальнем Востоке, за “нейтрализацию” Японии Россия готова пожертвовать своими европейскими интересами в пользу Берлина.

Германских политиков не волновало, как посмотрят союзники Второго рейха – Австро-Венгрия и Турция – на тот факт, что им передачей части Галиции и Восточной Армении России придется расплачиваться за ее “умиротворение” и заключение союзного договора между Берлином и Петроградом.

Одновременно в Берлине планировали направить экспансию Японии в сторону Китая. Согласно ноте Кемница, Берлин уступал Токио все свои владения в Китае и тихоокеанском регионе. Но при этом за Циндао Япония должна была бы перечислить немцам половину вложенных туда ими капиталов, а за Каролинские острова выплатить сумму, равную той, которую в свое время заплатил за них Берлин Испании⁴⁵. Таким образом, Япония за полную переориентацию своей внешнеполитической линии получала “из рук” немцев то, чем она давно владела, и при этом должна была бы заплатить Берлину, полностью на тот момент вытесненному с Дальнего Востока, еще и солидную сумму денег. Остается лишь удивляться поистине детской наивности стратегов германской внешней политики.

Ответ японской стороны на мирные предложения немцев поступил 16 мая. Он был неожиданным лишь для Берлина. Инструкции министра иностранных дел Страны восходящего солнца требовали от посла Японии в Стокгольме устно сообщить немцам, что “японское правительство не намерено начинать дискуссии о сепаратном мире с германским правительством. Если немцы искренне расположены сделать предложения о заключении мира, то такие предложения должны быть адресованы правительствам Британии, Франции и России”. Единственное, на что согласился японский министр иностранных дел, это оказать немцам содействие в передаче мирных предложений союзникам по Антанте⁴⁶.

17 мая 1916 г. японский посланник в Стокгольме Усида от имени токийского правительства заявил своим немецким собеседникам, что Япония не может себе позволить вступить в какие-либо сепаратные переговоры с немцами, не уведомив предварительно своих союзников по Антанте⁴⁷. Впрочем, чтобы подсластить горькую пилюлю, Усида заявил, что японцы, имея сильное влияние в России, готовы также оказать посреднические услуги во Франции и Англии. На это предложение Вильгельм II отреагировал со свойственной ему прямолинейностью: “Коль скоро не может быть заключен сепаратный мир, все остальное – бессмысленное надувательство”⁴⁸.

Эфемерные попытки Берлина разыграть “японскую карту” и при посредничестве Токио вынудить Россию сесть за стол сепаратных переговоров с противниками закончились безрезультатно. Также безуспешным оказалось стремление некоторых представителей германского дипломатического ведомства заключить тройственный союз между Германией, Японией и Россией: этот союз не имел под собой никакой реальной основы.

Попытки втянуть Японию в процесс налаживания контактов Германии с Россией в годы Первой мировой войны являются одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих неспособность кайзеровской дипломатии найти достойный выход из тяжелого военно-стратегического положения, в котором оказалась Германия в результате войны на два фронта, ставшей затяжной войной на истощение; это пример непосредственности, непродуманности германского внешнеполитического курса, явившегося проявлением острого военно-политического кризиса.

Кроме того, история со стокгольмскими переговорами еще раз наглядно показала, что внутри германской военной и политической элиты продолжали существовать принципиальные разногласия в отношении “русской” политики. Если для одних немцев

⁴⁵ Нота Кемница. – PAAA, R2110, Deutschland 132. Die Beziehungen zu Japan, Bd. 10 geh.

⁴⁶ Hayashima A. Op. cit., S. 115.

⁴⁷ Люциус – в МИД, 17.5.1916. – PAAA, R2110.

⁴⁸ Ibidem.

Российская империя оставалась главным противником в Европе, за счет которой Германия предполагала решать свои территориальные и экономические проблемы, то другие немцы думали о возможных союзнических отношениях с Россией, пусть и на немецких условиях.

Впрочем, фиаско германской военно-политической элиты в ее попытках использовать Японию для установления сепаратных контактов с Россией не обескуражила берлинских стратегов. Стремление любыми способами вывести Россию из войны и тем самым ликвидировать протяженный Восточный фронт, вплоть до конца 1917 г. оставалось одной из важнейших задач германского внешнеполитического и военного ведомств.